

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ»¹

Станислав Андрески

Глава 12. Желательна и возможна ли социотехника, или она существовала всегда?

Желание имитировать успехи, пользу и престиж естественных наук и технологий побудило многих ученых-социологов задуматься о прикладной науке социальной технологии, известной также как социальная инженерия или социотехника. Они надеялись, что эта наука сможет решить проблемы человечества столь же эффективно, как физическая технология смогла решить проблемы производства и дефицита. Однако преграды на пути к реализации этой надежды настолько глубоки, что вызывают сомнения не только в желательности и возможности данной концепции, но даже в ее теоретической осуществимости.

Препятствия, которые могут возникнуть на пути к пониманию социальных процессов, описаны в моей книге «*Колдовство в социальных науках*», и здесь не рассматриваются. Вместо этого я сосредоточусь лишь на трудностях, которые возникнут даже при наличии более обширных и надежных знаний по сравнению с теми, которые уже есть сейчас.

Идея социальных технологий предполагает разделение людей на пассивных объектов и активных субъектов – инженеров социальных процессов. Возникает вопрос: как можно классифицировать людей? Удивительно, что многие говорят о социальной или поведенческой технологии, не учитывая тот факт, что технология – это система предписаний о наиболее надежных и простых способах формирования *материала* в соответствии с замыслами разработчика. Обычные технологии не включают размышления о благополучии, счастье и правах, поскольку материалом для них не являются человеческие объекты. Идея социальной технологии предполагает разделение людей на пассивных участников и активных социальных инженеров. Таким образом, возникает вопрос: кого можно отнести к указанным категориям? Наиболее достоверным ответом является связь указанного разделения с традиционным различием между правителями и подданными, а также понимание новых социальных технологий как современного управления, основанного на знаниях сфер социологии, психологии и экономики.

Такое понимание делает понятие технического прогресса неоднозначным, поскольку оно основано на положительной оценке любого роста силы действующего лица в процессе формирования материала по его усмотрению. Эта оценка оправдывается предположением, что у материала либо нет никаких желаний и способностей испытывать чувства радости или

---

¹ Публикуются главы 12 и 13 из книги: Andreski St. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass. – Pp. 114–146.

боли, поскольку он неодушевленный, либо что его счастье и предпочтения не имеют значения, даже если он относится к разумным существам. Искусственное осеменение, принудительное кормление и откормочное животноводство с целью увеличения производства мяса для потребления людей могут считаться прогрессивными методами, но с точки зрения благополучия животных эти практики следует рассматривать как вредоносные. Аргумент о том, что мы не можем общаться с животными и понимать их предпочтения, несостоятелен, поскольку у животных есть адекватные поведенческие реакции: достаточно открыть дверь сарая и посмотреть, как они убегают!

Человеческий эгоизм неправомерно исключает вопрос обращения с животными из сферы этики, одобряя чисто технический подход к ним. В обычной жизни мы тоже используем технику, когда правители обращаются с подданными как с бесправными существами. Утверждения типа «люди властны над своей судьбой», – пустая риторика, поскольку при этом не учитываются главные вопросы: «Кто будет управлять?» и «Кто будет контролировать управляющих?». Конечно, «социальный технолог» может игнорировать эти вопросы и полагать себя советником того, кто в данный момент обладает властью. Таким образом он занимает очередь в длинном ряду, начиная от советников древних королей до современных консультантов по управлению. Древние сочинения о социальном поведении, такие как «*Книга лорда Шанга*» и «*Артхашастра*» Каутильи, были книгами советов, написанными придворными мудрецами для принцев. Эти труды, а также руководства по стратегии и тактике, учебники по управлению и администрации, или трактаты о процедурах законодательства и судопроизводства, относятся к области «социотехники», которая, следовательно, не является настолько такой новой, как гласит это название.

С технической точки зрения нацистские газовые камеры по причине более высокой эффективности были лучше по сравнению с методами, которые использовал Хидэеси для истребления христиан в Японии. Однако прогресс в области методов подавления не столь велик, как кажется. Достижения римской, монгольской империй или империи инков более впечатляют, с учетом примитивных технологий того времени. В любом случае, если вы убеждены, что власть чаще используется для зла, чем ради достижения блага, то вы, вероятно, поддерживаете застой в социотехнике, которая способствует ее эффективности. Однако следует помнить, что конфликты целей и ценностей являются неотъемлемой чертой человеческих общностей. Можно предположить, что недостатки нашей цивилизации могут быть преодолены путем совершенствования техник контроля. Искусство войны является одной из старейших и наиболее систематически разработанных отраслей социотехники, но совсем не очевидно, что его массовое развитие принесло человечеству больше счастья.

Фактически усовершенствование средств контроля вовсе не обязательно приводит к росту концентрации власти, поскольку такие средства могут использовать как сторонники, так и противники власти и участники сопротивления, изобретая меры противодействия ей. Например, совершенствование методов раскрытия преступлений не привело к уменьшению уровня преступности, поскольку и преступники сумели адаптироваться к новым технологиям. В целом же развитие средств контроля, видимо, способствует олигархическим тенденциям, усиливая преимущества организации. Это особенно важно, когда люди, не являющиеся частью аппарата власти, лишены доступа к необходимым знаниям из-за умышленного сокрытия властью информации или по причине недостаточного уровня образования и интеллекта. С другой стороны, ни технологические инновации, ни совершенствование методов контроля людей не меняют баланса в пользу монархии относительно олигархии. Скорее всего, даже Сталину и Гитлеру не удалось обрести большую власть над своими ближайшими помощниками, чем она была у Чингисхана и Ивана Грозного.

Понимание этих сложностей может вынудить нас крайне неохотно возлагать большие надежды на социотехнику как на панацею от болезней человечества, однако небольшой мысленный эксперимент может показать, что доктринерское противодействие улучшениям в этой области также было бы неразумно. Анализ ряда зафиксированных случаев регресса в области управления позволяет представить возможные последствия радикального движения такого рода в масштабах мира: это не только приведет к концу процветания, но и к всеобщему голоду и разрушению цивилизации. Кроме того, существуют области, где цель достаточно общепризнана, но неизвестно, как ее достичь. Например, никто не желал рецессии и массовой безработицы в 1930-е годы, однако все принятые меры, основанные на ошибочной экономической теории, лишь усугубили ситуацию. Если бы Кейнс мог написать свою *«Общую теорию занятости, процента и денег»* и убедить других экономистов в этом на десять лет раньше, возможно, удалось бы избежать Великой Депрессии, вторжения Гитлера и войны.

Только в тех случаях, когда нет конфликта интересов и ценностей, и когда нельзя достичь цели из-за недостатка знаний соответствующих средств, улучшение техники организации и координации является полезным. Во всех остальных случаях любой совет социотехнического характера подразумевает действие в пользу одних групп или ценностей против других.

Следует отметить, что только экономисты могут утверждать, что их советы иногда приносили пользу, помогая избежать потерь, которые никому не приносили особой пользы. Однако даже эти утверждения могут быть оспорены. Открытия в области социологии оказались слишком банальными или недостаточно определенными, чтобы иметь множество полезных применений на практике. То же самое можно сказать и о психологии, но ее основные и хорошо изученные аспекты были применены с определенным успехом в рекламе, пропаганде, манипуляции сознанием и допросах, но маловероятно, что эти приложения способны вызвать всеобщий энтузиазм.

В физической технологии возникают этические и политические проблемы только при достижении конечных целей, в то время как инструментальные действия остаются нейтральными. Таким образом, этические и политические аспекты касаются использования здания, а напряжения и нагрузки – нет. В отличие от этого, в вопросах контроля человеческого поведения каждый шаг требует принятия решений об истинности и ценностях, которые выходят за пределы чисто технических соображений и не могут быть оценены исключительно с позиции эффективности, даже в ситуациях, в которых этот концепт имеет некоторый смысл, что зачастую не соответствует действительности.

В области технического прогресса критерии не всегда являются однозначными. Если говорить о «прогрессе», то это предполагает ряд изменений от худшего к лучшему, однако определения «худшего» и «лучшего» лишены смысла без указания на определенный стандарт или цель. Рассмотрим простой вопрос: что предпочтительнее – бульдозер или лопата? Ответ на этот вопрос зависит от того, для какой цели используется инструмент. Например, для работы в саду лучше использовать лопату. Автомобиль предпочтительнее лошади для быстрого и комфортного передвижения при наличии хорошей дороги, топлива и возможности обслуживания. Для путешествий по горам лучше использовать лошадь. Или еще один пример: что эффективнее – атомная бомба или меч? Для защиты от преступников меч будет более эффективным средством.

Действительно, сложно придумать инструмент, который был бы лучше другого во всех возможных случаях. Даже при сравнении стального и каменного топора можно найти ситуации, в которых последний окажется лучше – например, при работе с очень горячими предметами. И все же не стоит впадать в скептицизм: требуется найти конкретную задачу, для кото-

рой автомобиль начала XX века был бы лучше современных моделей. Важно учитывать, что для обоснования утверждения о превосходстве одного инструмента над другим необходимо сравнивать их в соответствии с одним критерием, в подобных ситуациях и с тождественными целями. Например, современные текстильные машины могут превзойти прялку только при наличии достаточного количества сырья, топлива и т. д. Нетрудно представить ситуации, когда прялка окажется более полезной. Поэтому стоит ли считать прогресс иллюзией в данной области?

Возможно, наиболее строгим критерием прогресса является асимметрия относительных знаний: в наше время многие люди способны создать прялку, в то время как 300 лет назад никто даже не представлял, как сделать прядильную машину или как ее использовать, если бы он ее нашел. Учитывая широкий спектр создаваемых вещей и оценивая человечество в целом, можно с уверенностью сказать, что наше влияние на природу увеличилось – другими словами, наши технологии продвинулись вперед.

Даже если оставить в стороне ранее упомянутый этический аспект и использовать диапазон возможностей как меру прогресса, все равно не ясно, сможем ли мы найти какую-либо устойчивую тенденцию в истории. Можно ли считать «социальные технологии» более развитыми в современных США, чем во времена Томаса Джефферсона? Или во Франции по сравнению с эпохой Людовика XIV? Хотя современные социальные структуры безусловно более сложны, это не значит, что какой-либо человек или группа способны эффективнее манипулировать другими, чем некоторые другие люди и группы прошлых эпох. Напротив, большая сложность может привести к инерции и хаосу, что сделает всех нерешительными и неспособными что-либо предпринять.

Высокая сложность часто делает организацию более уязвимой к халатности и саботажу, что может снизить контроль начальства над подчиненными по сравнению с более простыми организациями и технологиями.

Даже если считать концентрацию власти показателем уровня социальной инженерии, возникают сомнения в успешности деспотического правления. Обладает ли Мао Цзэдун большей абсолютной властью, чем ее имел Ши Хуанди более двух тысяч лет назад? Возможно, Мао Цзэдун управляет большим числом подданных, но при этом ему приходится полагаться на большее количество советников и посредников, поэтому его личная власть может быть как больше, так и меньше, чем у основателя первой китайской империи. Даже те, кто кажутся величайшими деспотами, часто оказываются зависимыми от собственных средств влияния, что ограничивает их свободу действий. В отличие от материальных объектов, люди, которых используют в качестве «средств», могут проявлять собственную волю и в отдельных случаях противостоять и даже ликвидировать своих хозяев. Следует отметить, что политический прогресс обычно означает ограничение власти правителей над народом, а не расширение власти правителей над управляемыми.

Изменения объектов, которые изучают социальные науки, как правило, связаны с возрастающей сложностью объектов. Для улучшения понимания этих объектов необходимо постоянно совершать новые открытия. Социальные науки, подобно поднимающемуся по лестнице человеку, движутся вперед, чтобы не упасть. Это их отличает от физических наук, где не происходит столь фундаментальных изменений, которые могли бы угрожать понятности, точности и достоверности наук. В социальных науках обычно происходят фундаментальные преобразования не только в течение одного поколения, но и на протяжении всего времени научного исследования.

Всякий раз, когда социальные науки разрабатываются группами, находящимися в оппозиции (как в случае гонки вооружений), социотехники создают проблемы друг для друга: их изобретения могут аннулировать друг друга, и новая ситуация может оказаться аналогичной

предыдущей в отношении контроля одной стороны над другой. Распределение такого контроля, подобно балансу сил, напоминает игру с нулевой суммой, в которой выигрыш одного означает проигрыш другого. Таким образом, в данной области следует ожидать циклических изменений, а не стабильной тенденции в одном направлении.

В методах управления поведением людей существует лишь один аспект, в котором можно заметить хронологическую асимметрию – тенденцию движения в определенном направлении. Был сделан значительный прогресс в понимании того, как согласовывать более широкие массивы действий с большим числом людей. Этот прогресс стал необходимым условием для других изменений, которые многие считают непеременимыми. Мы можем отнестись позитивно к этим изменениям, однако нельзя утверждать, что они принесли людям счастье.

Глава 13. Военное искусство и разум

Данное эссе является слегка переработанной версией обзорной статьи по книгам, указанным ниже². Сокращенный вариант был опубликован в журнале *Encounter* в 1977 году. Основная причина обращения к этому тексту снова заключается в том, что он освещает ряд забытых вопросов теории организации и военной организации – в особенности, отражая взгляды на ключевые проблемы, поставленные авторами.

В наше время, когда все – включая тех, кто совершает акты агрессии – проповедают любовь к миру, важно отстраниться от духа текущей эпохи, чтобы оценить умственные качества писателя, который игнорирует гуманитарные проблемы и сосредотачивается на поиске наиболее эффективных методов ведения войны. Не следует думать, что Клаузевиц был бездушным монстром. Как свидетельствуют отдельные цитаты из других его работ, проанализированных Парето, он действительно испытывал сострадание к жертвам и мукам выживших, однако полагал, что такие чувства не имеют отношения к изучению стратегии и тактики. Ему даже в голову не приходило поставить под сомнение истинность тезиса: выживание и мощь государства – высшие ценности, ради которых оправданы любые жертвы крови, труда и страданий. Подобно другим авторам, писавшим на эту тему до недавнего времени, он рассматривал войну как неотъемлемую часть естественного порядка в мире, и жаловаться на это было бы так же бессмысленно, как оплакивать факт человеческой смерти.

В книге с аналогичным названием, опубликованной недавно, следовало бы ожидать обсуждения истоков, причин и последствий войн. Однако Клаузевиц не предлагает ничего подобного. В своем главном труде он не упоминает о взаимосвязи между военной организацией и государственной конституцией, не говоря уже о социальной структуре. Тем не менее, в своих менее известных работах, упоминаемых и анализируемых в детальной монографии Парето, таких как меморандум о реорганизации прусской армии, Клаузевиц четко указывает на связь между составом вооруженных сил и социальными и политическими институтами. Он утверждает, что продление срока военной службы может быть успешным только при условии, что этому сопутствуют меры, направленные на завоевание лояльности и стимулирование патриотизма среди низших классов.

---

² «О войне». Карл фон Клаузевиц. Отредактировано и переведено Майклом Ховардом и Питером Паретом. Принстон: Принстонский университет, 1976; «Психология военной некомпетентности». Норман Диксон. Лондон: Джонатан Кэйп, 1976; «Война в европейской истории». Майкл Ховард. Оксфорд: Оксфордский университет, 1976; «Социология и военный истеблишмент». Моррис Яновиц (в сотрудничестве с Роджером У. Литлом). Беверли-Хиллз: Сэйдж Пабблишинг, 3-е издание, 1974; «Военные конфликты: эссе по институциональному анализу войны и мира». Моррис Яновиц. Беверли-Хиллз: Сэйдж Пабблишинг, 1975; «Лицо битвы». Джон Киган. Лондон: Джонатан Кэйп, 1976; «Клаузевиц и государство». Питер Парет. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1976.

Не вызывает сомнений, что труд «*О войне*» обладает значительной исторической ценностью и, подобно великим классикам в других дисциплинах, является вдохновляющим примером тщательного и детального анализа. Возможно, по его интеллектуальной мощи Клаузевиц не имеет равных среди авторов военной тематики, находясь на уровне великих философов или основателей социальных наук, таких как Адам Смит или Герберт Спенсер. Но стоит ли его трактат применять на практике в наше время? Можно с легкостью обосновать отрицательный ответ, учитывая множество его идей. Рекомендации относительно организации маршей, снабжения, укреплений или *порядка битвы* утратили свою практическую значимость из-за изменений в вооружении, транспорте и коммуникациях. Особенно показательным примером служит его принцип максимальной концентрации войск, который в условиях современной войны, даже если она строго «конвенциональная», мог бы обернуться катастрофой.

Возникает возможность найти более убедительные основания для соотнесения рассматриваемого вопроса с более общими принципами вневременной обоснованности. Вероятно, всегда будет верным утверждение, что «резерв преследует две разные цели: одна – это продление и восстановление действия, другая – защита от неожиданных угроз». Однако поддержание резервов несовместимо с безусловным применением иного принципа, который также может быть обоснован с вневременной точки зрения: принципа экономии сил, согласно которому следует «всегда обеспечивать полное задействование всех сил – гарантировать, что никакая их часть не остается бездействующей». Безусловно, разумно учитывать оба этих принципа, но победа может зависеть от умения определить момент, когда один из них становится более значимым по сравнению с другим; в этом отношении Клаузевиц не предлагает четких правил, которые были бы применимы в его время, не говоря уже о современных условиях.

Тем не менее нельзя упрекать Клаузевица в абсурдных заявлениях по поводу его теории войны, так как он многократно подчеркивал, что ее не следует воспринимать как набор надежных рецептов, а скорее как подготовительный этап для анализа. «Как мы уже упоминали», – утверждает он, – «принципы и мнения редко могут привести разум к простой и прямой линии. Как и в любом практическом вопросе, всегда остается элемент свободы... Люди действия должны иногда полагаться на интуитивное суждение, основанное на интеллекте и развитое через размышления, которое почти автоматически находит правильный путь».

Одним из наиболее значимых высказываний Клаузевица, заслуживающим внимания, является его знаменитая фраза, переведенная в старых изданиях как «война – это продолжение политики», а в тексте этого издания – «война – это лишь продолжение политики другими средствами». Я полагаю, что будет более ясным и ближе к тому, что хотел сказать Клаузевиц, перевести это определение как «война – это продолжение внешней политики другими средствами». Это утверждение часто интерпретируется как пример грубого милитаризма и воинственности, однако такое понимание целиком ошибочно. На самом деле, оно призвано подчеркнуть рациональность и сдержанность, предупреждая об опасности затемнения разума страстями. Если бы это действительно было неограниченным и абсолютным проявлением «насилия», о котором говорит Клаузевиц, то

война...вытеснит внешнюю политику из государственного управления и будет действовать в соответствии с собственными законами... Если принять во внимание, что война возникает из некой политической цели, то становится очевидным, что ее первопричина будет оставаться в центре внимания в процессе ее ведения. В сущности, война является реальным приемом, представляя собой продолжение политического действия другими средствами. Политическая цель – это то, к чему стремятся, а война – это способ ее достижения, и средства никогда не могут рассматриваться в отрыве от их цели.

Согласно преобладавшей в то время (и до сих пор отчасти сохраняющейся) «эссенциалистской» концепции понятий, Клаузевиц часто путал утверждения о ценности с утверждениями о фактах, оформляя свои рекомендации или нормативные принципы в виде аргументов, касающихся сущности «чистого» понятия – в данном случае понятия войны. Более того, несмотря на то что из исследования Парето вытекает, что Клаузевиц понимал, что короли, генералы и министры могут не обладать необходимыми качествами интеллекта или характера, он не учитывает этот фактор в своей теории войны. Под влиянием страстей, вызванных войной, а также стремления к личной славе, правители и массы часто забывают о причине, по которой они начали военные действия, и сосредотачиваются на немедленной цели победы, игнорируя цену, которую придется за это заплатить.

Можно утверждать, что военная политика Черчилля была примером пренебрежения принципом, который обсуждается. Хотя он действительно был великим вдохновителем и организатором военных усилий, а также проявлял хорошие стратегические качества, он, похоже, забыл, что Британия вступила в войну, чтобы предотвратить создание в Восточной Европе империи, способной угрожать как ее независимости, так и существованию Британской империи. Черчилль прославлял этот успех, который, как он считает, стал результатом победы. В контексте его собственных ценностей, надежд и долгосрочных целей его предприятия завершились полным провалом.

«*О войне*» по праву занимает первое место в числе великих классических трудов, однако я считаю, что редакторы несколько переоценивают ее актуальность в наши дни. Это особенно относится к Бернарду Броди, который написал третье введение и подготовил «Руководство по чтению *«О войне»*», представленное в конце книги, и чье отношение к Клаузевицу напоминает почти фанатичное преклонение, характерное для марксистов в отношении их идеалов. В то же время, во введении к *«О войне»*, а также в его содержательной монографии, Питер Парет выглядит более взвешенно. *«Клаузевиц и государство»* – это глубокий и внимательный труд, насыщенный яркими ссылками и цитатами, который позволяет нам не только узнать детали жизни и окружения Клаузевица, но и рассмотреть элементы его мысли, выходящие за пределы его теории войны. Мы видим, что Клаузевиц осознавал зависимость военной организации от политических и социальных условий. Чтобы Пруссия могла создать мощную армию, основанную на воинской повинности и резервистах высокой выучки, он выступал за снижение классовых преград и усиление заботы о благосостоянии простых граждан. Следовательно, его националистические и милитаристские устремления привели его к критике власти, конституционным реформам и определенному эгалитаризму. Каждому, кто желает глубже понять Клаузевица или исследовать историю военных реформ той эпохи, стоит ознакомиться с работой Парето. Тем не менее, это произведение высокого уровня учености, которое, возможно, не привлечет внимание широкой публики.

В отличие от этого, труд Майкла Говарда адресован широкой аудитории. Он отличается сжатостью, качественным изложением и надежностью, что делает его отличным учебным пособием. В то время как книга *«Клаузевиц и государство»* основана на исследовании малоизвестных первоисточников, *«Война в европейской истории»* предлагает обширный обзор, опираясь на другие работы. Автор, ссылаясь на своего предшественника в аналогичной серии – *«Искусство войны»* Сирила Фоллса, утверждает, что его задача заключается не только в изучении самого искусства ведения войны, но и в анализе институтов, связанных с войной, и их эволюции в европейском обществе на протяжении тысячелетий, о которых имеются достоверные источники. Он стремится проследить не только развитие войны как таковой, но и ее взаимосвязь с техническими, социальными и экономическими изменениями, а также влияние этих изменений на военное дело. Это смещение акцента отражает общую тенденцию перехода от простого повествования к исследованию институтов, моделей и структур в более

широком историческом контексте, что стало заметным в военной истории позже, чем в других областях историографии. Примерно в 1950 году, когда я занимался изучением взаимосвязи между формами военной организации и типами социальной структуры, мне приходилось собирать исторические данные, складывая разрозненные фрагменты информации из вторичных источников, поскольку тогда не существовало литературы по социальной истории вооруженных сил или войны. В то время обширная литература по военной истории состояла преимущественно из рассказов о великих событиях, зачастую окрашенных поклонением героям и националистическим пафосом. Даже более аналитические работы по военному искусству обычно рассматривали его в изоляции от более широкого контекста, часто игнорируя, казалось бы, такие очевидные вопросы, как методы вербовки и финансирования войны.

Хотя нас и смущают теоретические исследования общественной жизни, зачастую переполненные жаргонным шарлатанством, все же стоит отметить, что социологическая теория, хотя и не в состоянии глубоко продвинуться сама по себе, стала стимулом для историков расширить свой кругозор. Этот процесс взаимовлияния социологии и историографии можно проследить, по крайней мере, от Огюста Конта и Маркса до Монтескье и Адама Смита, хотя его развитие происходило медленно. В частности, военная история была одной из самых неподатливых областей, в которой историки долгое время стремились сохранить узкие рамки своей *problematik*. Работа автора, выступающего как традиционный историк старомодной Оксфордской школы, представляет собой социологически ориентированную военную историю и может символизировать окончание эпохи изоляции. Тем не менее библиография не показывает, что он обращался к каким-либо книгам по теоретической социологии, выпущенным более 20 лет назад, которые могли бы повлиять на его исследование. В любом случае, как мне известно, книга Говарда является первым кратким обзором этой области, написанным с точки зрения современной социологической истории, и вполне может служить введением в тему.

В то время как книга «*Война в европейской истории*» представляет собой синтетический обзор, «*Лицо битвы*» предлагает три тематических исследования, сосредоточенных на определенных временных и пространственных рамках и основанных на анализе первоисточников. Однако, в отличие от большинства монографий, это произведение привлекает внимание читателя своим увлекательным стилем. Автор стремится выяснить и донести до нас в ясной и вдумчивой манере, каково было состояние солдата во время сражений, которые он рассматривает с поразительной детализацией. Хотя он не избегает технических аспектов, когда это необходимо для более полного понимания, его внимание в первую очередь сосредоточено на чувствах, мотивах и поведении участников боев: на опасностях, с которыми они сталкивались, лишениях, которые им пришлось пережить, а также на том, как они находили силы для выживания и продолжали сражаться.

Автор анализирует и подробно рассматривает три сражения: Азенкур, Ватерлоо и Сомма. В дополнение к традиционным аспектам, таким как ход битвы, оружие, тактика, численность войск и потери, читатели узнают о том, как обращались с пленными, о помощи раненым, методах поддержания дисциплины, взаимоотношениях между офицерами и солдатами, а также о различных типах людей, которые присутствовали на поле боя. Он реалистично исследует такие явления, как грабеж, дезертирство, жестокость и трусость, одновременно не забывая о героизме и самопожертвовании. Несмотря на то, что книга насыщена материалом, представляющим социологический и психологический интерес, она не содержит четкой позиции, так как автор стремится описать ситуацию, а не теоретизировать. В рамках своей цели он добился выдающихся результатов и создал ценное произведение.

Достоинства старомодной литературной школы становятся особенно явными при сравнении упомянутых выше книг с двумя произведениями одного из самых влиятельных специалистов в области военной социологии. Это не значит, что эти книги плохи – Моррис Яновиц, безусловно, человек с обширными знаниями, знающий много интересного, о чем можно рассказать. Однако, к сожалению, для того чтобы извлечь увлекательную информацию, нам нередко приходится пробираться сквозь банальности и непонятный жаргон. Хотя автор в этом плане является сравнительно умеренным грешником и излагает свои мысли довольно четко и лаконично, любопытно, скольким людям, даже среди тех, кто никогда не открывал ни одной научной книги или приличной газеты, нужно объяснить, что «значительная часть национального дохода современной страны тратится на подготовку, проведение и устранение последствий войны», что «военные технологии значительно увеличивают разрушительность войны и расширяют сферу автоматизации нового оружия», что «влияние технологий и нового оружия массового поражения изменило модель международных отношений» или что «военная сила по-прежнему остается важнейшим измерением международных отношений».

Как это характерно для важных фигур в различных международных организациях, Яновиц предпочитает использовать эвфемизмы, а не прямо называть вещи своими именами. Например, вместо того чтобы говорить о терроризме и вымогательстве, которые являются основными действиями военнослужащих в некоторых странах, он упоминает «внутренние функции безопасности». Вторжение СССР в Чехословакию он объясняет тем, что военные силы этих стран преследовали широкие цели внутренней безопасности как в своих государствах, так и в странах-союзниках.

Даже при отсутствии дипломатического языка читателю приходится сталкиваться с большими объемами неопределенного, напыщенного и банального социологизма, если не полустин. Например, на странице 83 англоязычного труда *«Военный конфликт»* сообщается, что американская и французская революции представляли собой социальные и политические движения, каждое из которых оказало независимое влияние на процесс формирования нации благодаря своему идеологическому содержанию и стилю руководства. Эти революции способствовали созданию социальной сплоченности внутри центральных властей и активизации работы как военных, так и гражданских активистов.

В отдельных случаях можно заметить небрежность формулировок, что объясняется поспешностью автора, поскольку трудно представить, чтобы он не заметил свои недостатки при более внимательном рассмотрении. Например, в *«Социологии и военном истеблишменте»* профессор Яновиц утверждает: организационная эффективность вермахта основывалась на хорошо разработанных практиках манипуляции и групповой сплоченности в контексте радикального подавления *крайних* политических и идеологических отклонений. Мне известно, что профессор прекрасно понимает, что гестапо не дождалось, пока «отклонение» станет крайним, чтобы применить «радикальные репрессии» – достаточно было, чтобы кто-то рассказал политический анекдот. Почему же тогда в этом высказывании используется слово «крайний»?

В обеих книгах можно заметить взаимосвязь между общностью и качеством представленных данных. Глава 1 из *«Социологии и военного истеблишмента: военный истеблишмент как социальная система»* является предельно абстрактной и содержит множество банальных утверждений. На противоположной стороне спектра располагаются исследования фактов, особенно во второй части *«Военного конфликта»*, которые содержат интересную информацию. Например, при обсуждении последствий отмены призыва упоминается, что в период с 1971 по 1974 год доля чернокожих в вооруженных силах США возросла с 11,4 % до 14,9 %, и что в 1974 году они составили 21 % всех добровольцев и 27 % в армии – что практически

втрое превышает их процентное представительство в населении. Также следует отметить таблицу из «Социологии и военного истеблишмента» (стр. 47), которая демонстрирует длительную тенденцию к росту доли военнослужащих с гражданскими навыками и функциями: таких было 15,4% во время испано-американской войны, 65,9 % в Первую мировую, 63,8 % во Вторую мировую, 66,9 % во время Корейской войны и 71,2 % в 1954 году. В журнале *Military Conflict* имеется и старая статья – «Сплоченность и распад вермахта во Второй мировой войне», написанная совместно с Эдвардом Шилсом на основе интервью с военнопленными. Эта работа актуальна как историческое свидетельство и как источник понимания общего вопроса о том, что побуждает мужчин сражаться, хотя даже она страдает, правда, незначительно, от неуклюжего социологизма. Например, авторы используют выражение «требование физического выживания», вместо более точного желания или стремления выжить, несмотря на тот факт, что немецкие солдаты не выдвигали требований и подчинялись приказам.

Большинство статей, перепечатанных в *Military Conflict*, вызывают интерес: в них исследуются военно-гражданские отношения в постколониальных государствах, роль армии в странах Ближнего Востока, социальное происхождение офицеров, относительные размеры вооруженных сил и бюджетов в различных странах. Для детального анализа выводов и мнений автора по этим вопросам потребовалось бы несколько статей, поэтому я могу лишь сказать, что в целом считаю их обоснованными, хотя не всегда согласен с формулировками. В то же время меня не убеждают идеи, изложенные в статье «Изменения модели организационной власти», опубликованной в *Military Conflict*, или в аналогичной ей главе 2 «Иерархия и власть» из другой книги.

«Таким образом, влияние технологий», – отмечает Яновиц на странице 59 книги «Социология и военный истеблишмент», – привело к изменению в практике военной власти. Военная власть должна перейти от модели, основанной на доминировании, к более активному применению манипуляции. Под доминированием понимается воздействие на поведение человека через четкие указания о желаемом поведении без упоминания преследуемых целей. В отличие от этого, манипуляция предполагает влияние на поведение с меньшим акцентом на явные инструкции и большим акцентом на косвенные методы группового убеждения, ориентируясь на общие цели группы».

Безусловно, в этом утверждении есть доля истины. Капитану подводной лодки требуется более детальное объяснение общей ситуации, чем стрелку, который марширует в строю с товарищами. Но отсюда не следует, что командир атомной подводной лодки должен проявлять более высокую инициативу, чем капитан парусного судна. Также маловероятно, что нежелание оператора радара точно и немедленно исполнять указания окажет менее негативное воздействие на эффективность операции, чем это могло бы случиться в случае с оператором катапульты. Можно даже утверждать, что склонность к «групповому мнению» – если это не просто индоктринация или другие старые методы поддержания боевого духа – является симптомом медленного паралича военной машины, а не адаптацией к требованиям технологий. Этот тезис основан только на понимании автором сил НАТО, особенно США, и не подкреплен доказательствами того, что аналогичные тенденции наблюдаются в советской или других коммунистических армиях. Более того, данный тезис был выдвинут до поражения США во Вьетнаме, и было бы интересно узнать, наблюдались ли какие-либо признаки ослабления дисциплины, внутренней демократии и контроля через манипуляцию, а не авторитарное командование в победоносной вьетнамской армии и партизанских отрядах.

Научный и компетентный исторический обзор, не содержащий особенно оригинальных или спорных представлений, предоставляет рецензенту минимум возможностей для работы, кроме как выявление незначительных недостатков, если такие им удастся обнаружить.

Рассматривая специализированную историческую монографию, рецензент может оценить ее как интересную и качественно написанную, или прийти к противоположному выводу, а также выявить внутренние противоречия. Однако, если он не изучал те же первоисточники, ему сложно сделать выводы об истинности утверждений. Чем больше историк сосредотачивается на изложении фактов без объяснения их значения, тем меньше он подвержен риску ошибок. В отличие от него, социолог или психолог, стремящийся разработать общие теории, объяснить или предсказать явления, рискует допустить большее количество ошибок. В этом плане Яновиц превосходит Кигана и Говарда; несмотря на то что его подход достаточно обоснован, он может столкнуться с подводными камнями, принимая замену слов за объяснения или новые теоретические выводы. Диксон же поступает как истинный исследователь, предлагая то, что ранее не высказывал никто: психологическую (и частично социологическую) интерпретацию самых темных аспектов военной истории. Тот, кто ставит перед собой амбициозные цели, рискует потерпеть неудачу. Работа *«О психологии военной некомпетентности»* представляет собой настоящую находку для рецензентов: написанная ясно и увлекательно, она, безусловно, является самой оригинальной из всех (за исключением классического трактата Клаузевица) и потенциально содержит наибольшее практическое значение, а также включает множество необоснованных утверждений и неточностей, что вызывает яростную критику.

Оригинальный подход Диксона в первую очередь заключается в его выборе темы исследования. В то время как в обычной историографии можно найти множество примеров плохих командиров, военные теоретики и консультанты в сфере бизнеса и государственного управления обычно игнорируют эту проблему. Учебные материалы по стратегии и военной организации не предлагают никаких рекомендаций о том, как выявить некомпетентных, трусливых или психически нестабильных командиров, которые могут захватить власти и вызвать катастрофу. В своем обширном труде Клаузевиц тоже не затрагивает подобные вопросы. Причина такой осторожности кроется в том, что начинать с заявления о некомпетентности начальника и требовать его отставки – не приведет к успеху советника. Диксон осмелился войти в эту темную сферу и утверждать, что он выявил факторы, определяющие некомпетентность генералов, а также намекать (хотя это в основном делает автор предисловия), что его открытия могут послужить методом фильтрации недостойных кадров до того, как они нанесут серьезный ущерб.

Основная трудность заключается в неясности определения критерием, которые помогут выявить некомпетентность. Бесполезно приводить в пример провалившихся генералов, поскольку никакой талант не в силах противостоять подавляющему численному или техническому перевесу. Даже если силы соперников равны, выдающийся командир может потерпеть поражение, если его противник окажется еще более опытным. Между военными неудачами и железнодорожными катастрофами нет аналогий, так как последние чаще всего вызваны чьей-то неспособностью выполнять рутинные задачи. В бою для поражения достаточно быть просто слабее соперника, и не обязательно быть некомпетентным. Напротив, победа, достигнутая с опозданием или без нужды в ней, может служить основанием для обвинения в некомпетентности. Чтобы оценить способности командира, необходимо учитывать численность и качество войск, вооружение с обеих сторон, а также преимущества местности и уровень противника, ведь даже неумелый командир может победить еще более неумелого. Однако такой аналитический подход в данной книге отсутствует. Автор лишь обсуждает примеры, которые считает проявлениями некомпетентности, иллюстрируя, но не обосновывая свои выводы. Некоторые из его примеров достаточно убедительны – например, лорд Реглан во время Крымской войны или генерал Персиваль, который командовал гарнизоном Сингапура, захваченным японскими войсками. Тем не менее, автор не аргументирует свои утверждения о превосходстве, особенно в случае Монтгомери, не учитывая, что тот побеждал только

в условиях значительного численного и материального превосходства. Безусловно, он мог бы потерпеть неудачу, и поэтому его победы не свидетельствуют о его некомпетентности, но они также не подтверждают, что он был на том же уровне, не говоря уже о том, что он превосходил своего противника Роммеля или предшественника Уэйвелла, который успешно защищал Египет, будучи окруженным армией, семикратно превосходящей его собственные силы.

Отсутствие очевидных критериев для диагностики явлений, требующих объяснения, нарушает минимальные принципы научного метода. Использование техно-тотемистических терминов из кибернетики типа обратная связь, вход, выход, шум и тому подобное, можно сравнить с бессмысленным звуком во мраке невежества. Какой смысл применять концепции, которые имеют ценность только в сочетании с измерениями, если у вас нет простых критериев для определения наличия исследуемого явления? Тем не менее, автор, за исключением крайне редких случаев, постепенно отходит от этих магических слов и сосредотачивается на исторических деталях.

Есть один аспект, который требует краткого комментария: похоже на то, что автор считает, что его исследование может принести пользу человечеству в будущих конфликтах, а не только одной из сторон. Если бы он даже смог написать эту книгу достаточно рано для того, чтобы Гитлер смог ее прочитать и повысить свою военную грамотность, он был бы этому рад? Мы можем оценить рост эффективности лишь в том случае, если согласны с целью, достижению которой она служит. И все же это замечание не умаляет значимости его объяснений, которые, к сожалению, базируются на серьезной ошибке – отсутствии предварительного диагноза.

Согласно общепринятой методологии, для обоснования объяснения необходимо два типа утверждений. Первый тип включает одно или несколько общих суждений, которые описывают связь между явлением, требующим объяснения, и одним или несколькими предшествующими факторами, при этом появление последнего приводит к неизбежности или вероятности возникновения первого. Второй тип должен состоять из одного или нескольких суждений, подтверждающих, что предшествующие факторы действительно имели место. Следовательно, объяснение можно считать недействительным либо по причине того, что теоретические предложения, связывающие предшествующие факторы с последствиями, подлежащими объяснению, являются необоснованными или ложными, либо из-за отсутствия доказательств того, что указанные предшествующие факторы действительно имели место. Приведенные здесь объяснения не соответствуют ни одному из указанных критериев.

Вслед за многими психологами, Диксон связывает личность взрослого человека с опытом его детства, утверждая, что некомпетентность в военном деле обусловлена ранним влиянием любвеобильных матерей, строгими правилами воспитания и подавлением сексуальности. По его мнению, эти факторы порождают различные страхи и запреты. Но поскольку многие из упоминаемых мужчин уже ушли в мир иной, они не могут подвергаться психоанализу, а их родители, воспитатели и старшие братья и сестры ушли из жизни еще раньше. Хотя определенные данные можно было бы получить из личных писем, автор не приводит никаких доказательств подобного рода, за исключением случаев Хейга и Монтгомери, в отношении которых он тоже не углубляется в детали. При анализе других ситуаций автор предполагает, что прошлые события должны были происходить в соответствии с моделью объяснения, которой он пользуется. Например, упомянув генерала Окинлека, который заметил, что в Германии родились многие известные генералы, среди которых Роммель выделяется особой способностью к импровизации, автор заключает: Роммель как выдающийся военачальник Второй мировой войны не обладал теми чертами личности, которые принято связывать с некомпетентностью в военном деле. В предисловии бригадный генерал Шелфорд Бид-

велл наивно утверждает, что автор стремится прояснить ситуацию, используя принципы своей дисциплины – экспериментальной психологии. Но возникает вопрос: что это за наука, которая предлагает объяснения лишь в контексте непроверенных и даже не подтвержденных фактов?

Даже если бы теоретические основания Диксона были столь же прочными, как законы физики, его объяснения представляли бы собой лишь предположительные исторические реконструкции, аналогичные гипотезам космологов о происхождении Вселенной. Однако сами теоретические основы крайне шаткие. На странице 239 можно прочесть: существенное различие между двумя типами достижений – нормальными и патологическими – можно выразить следующим образом: первое основано на надежде на успех, тогда как второе движимо страхом перед неудачей. Первое характеризуется сильным эго и независимыми мыслями, в то время как второе связано со слабым эго и чувством зависимости.

Автор не приводит строгих критериев для определения, какое достижение является нормальным, а какое патологическим. Кроме того, он не объясняет, как можно определить, чье эго сильное, а чье слабое. Использование этих понятий представляет замкнутый круг: автор связывает слабое эго с теми, кто испытывает страх неудачи, но не предлагает решения проблемы распознавания, мотивирован ли человек надеждой на успех или страхом перед неудачей. Невозможно реализовать психоаналитическую оценку исторических фигур. Более того, утверждение о том, что страх неудачи ведет к поражению, высказывается без необходимых доказательств и воспринимается как самоочевидное, хотя можно привести и противоположную точку зрения, согласно которой главная причина катастрофы заключается в чрезмерной самоуверенности. Возможно, Карл XII, Наполеон и Гитлер могли бы достичь большего, если бы они больше боялись возможного провала при планировании вторжений в Россию. Даже сам Диксон упоминает генерала Персиваля как яркий пример некомпетентности, указывая, что его главной ошибкой было беспечное отношение к силам японцев. Французское командование 1940 года также подвергается критике за недооценку вероятности взятия линии Мажино. Никто не знает, сколько сражений было проиграно из-за недостатка или избытка смелости. Секрет успеха заключается в способности, не говоря уже о везении, принимать правильные решения; однако универсальной формулы для этого не существует, и даже ретроспективно нередко бывает сложно оценить правильность выбора.

По мнению Диксона, основным источником военной некомпетентности является авторитаризм. Авторитаризм как состояние психики, а не политической системы можно определить как склонность подчиняться и отдавать приказы. В крайних проявлениях его можно описать через метафору «фигуры велосипедиста»: склоненный к верхнему уровню, он одновременно опирается на нижний. Это концептуальное понятие было затем превращено в сложную смесь психологами и социологами (Хоркхаймером, Адорно и Айзенком), которые добавили к этому термину множество установок. В итоге проведенных исследований стало ясно, что некоторые из этих установок лишь частично связаны с ранее упомянутым умонастроением. Некритически следуя этим выводам, Диксон упоминает установки антисемитизма и вражды к чернокожим. Но следует задуматься, насколько обоснована такая теоретическая концепция, которая включает в себя признаки, присущие лишь для определенных местных условий. Обязаны ли мы предполагать, что среди евреев или чернокожих нет авторитаристов? Или что среди японских самураев не было никого, кто мог бы испытывать неприязнь? Диксон также утверждает, что авторитаризм включает «жесткую приверженность общепринятым ценностям среднего класса». Но разве не было авторитаристов среди пролетарских офицеров большевистской армии? Неужели они все были неавторитарными, или же он считает, что сержанты Французского Иностранного легиона и царских казачьих полков, злоупотребляющие алкоголем и частые посетители публичных домов, обладали сильной при-

верженностью «ценностям среднего класса»? К тому же нет достаточных доказательств того, что указанные фигуры или римские легионеры (с их караванами рабынь) были подвержены «пуританской похотливости» и сексуальным запретам, которые Диксон также считает важными элементами авторитаризма.

Среди множества исторических интерпретаций можно выделить следующее мнение: некоторые военные поражения Великобритании частично обусловлены системой английских школ-интернатов. Это утверждение подкрепляется другой важной истиной – этос военных организаций дополняет, а не восполняет образовательный уровень их участников. Поведение некомпетентных военных командиров в значительной мере отражает викторианские взгляды, которые, распространяясь через школы и церкви, формировали национальный характер.

Это суждение любопытно, но возникает ряд вопросов: действительно ли все плохие генералы получили образование в таких заведениях и все ли их выпускники оказались неудачниками? В книге, помимо Монтгомери и Хейга, нет данных на эту тему, но у меня сложилось впечатление, что между героями автора – Фишером, Алленби, Лоуренсом, Слимом и Монтгомери – и его антагонистами – Рэгланом, Монтгомери-Массингбердом, Хейгом, Джеллико и Персивалем – почти не было различий в сфере образования. Не менее неуместно считать Гиммлера примером некомпетентности в военном деле, поскольку он никогда не командовал действующей армией, но при этом был успешным организатором репрессивного аппарата.

Чтобы продемонстрировать негативное влияние взаимосвязи «сексуального запрета» с «авторитаризмом» в его собственной интерпретации, Диксон проводит параллель между Наполеоном, который успешно совмещал любовь и войну, и Гитлером, который, по его мнению, не преуспевал ни в том, ни в другом. Скорее всего Диксон находился под влиянием знаменитой военной песни о Гитлере, когда делал свое замечание. Военные достижения Наполеона и Гитлера гораздо ближе друг к другу: оба начинали с блестящих побед и завершили свои кампании неудачами. В отличие от них Муссолини, кажется, справлялся с любовными делами значительно лучше, чем с военными действиями, тогда как Оливер Кромвель и Джордж Вашингтон (не говоря уже о чопорном холостяке Монтгомери, которого Диксон считает героем) были более успешны в ведении войны, чем в любовных интригах. Более уместным примером для иллюстрации тезиса Диксона является Петр Великий, разврат которого шел в ногу с его военными достижениями.

Кроме утверждения о том, что Чингисхан не был авторитарным правителем наиболее сомнительным примером служит зулусский вождь Чака. Его интимные наклонности описаны в биографии, составленной более чем столетие спустя после его смерти и основанной на устных преданиях зулусов, а также на случайных записках путешественников. На странице 328 утверждается: «Подобно Монтгомери Чака мог быть как гуманным, так и жестоким по отношению к своей армии». С ним соседствует предыдущее замечание о том, что он отдал «приказ своим воинам пройти по плацу, усыпанном шипами. Тех, кто колебался... немедленно убивали». Кроме того, в другом случае утверждается, что «он... повел всю свою армию, включая своих доверенных советников, на форсированный марш длиной в 300 миль за шесть дней. Для поддержания боевого духа убийцы были отправлены за всеми отставшими». И всё же, по словам Диксона, Чака характеризует «совершенно неавторитарный подход, высокая мотивация к успеху и при этом способность к теплоте и сочувствию».

Ради поддержки своей идеи о связи полководческого мастерства и сексуальной потенции Диксон утверждает, что «в сексуальной доблести Шака был скорее атлетом, чем авторитарным правителем. С 1200 наложницами... он превзошел даже Наполеона». Однако это утверждение имеет свои недостатки: аналогичное число наложниц не спасло его преемника, Дингаана, от поражения от пуританского кальвинистского лидера буров Пита Ретифа. Султан Абдул Хамид также не добился успеха в качестве военного лидера, несмотря на еще

большее количество наложниц. По сути, можно найти произвольно подобранные примеры, которые подтвердят любую нелепую гипотезу, например, о том, что умение командира зависит от размера его обуви или степени облысения.

Хейга часто рассматривают как яркий пример некомпетентности. Но в конце концов, разве не он одержал победу? Можем ли мы сказать, что он был значительно хуже таких полководцев, как Фош, Гинденбург или Брусилов? Хотя он не обладал выдающимся воображением, необходимым для поиска выхода из войны на истощение или для понимания, что стоит избегать активных атак и позволить противнику первым нанести удар. Для того чтобы инициировать мирные переговоры, ему требовалось бы намного больше здравомыслия и независимости мышления, чем большинству политиков. Судя по всему, он был просто порядочным солдатом, но не лучшим кандидатом на должность главнокомандующего. Однако между некомпетентным невежей и гением существует широкий спектр возможностей.

В любой сфере успешные инновации требуют редкого сочетания интеллекта и независимости мышления: ключевой вопрос заключается в том, не подавляет ли военный образ жизни эти качества. Как считает Диксон, интеллектуальные недостатки, которые, похоже, влияют на военную некомпетентность, могут не иметь отношения к интеллекту, а скорее быть результатом влияния двух древних и взаимосвязанных традиций на врожденные способности. Первая традиция, изначально опирающаяся на факты, утверждает, что успех в бою зависит больше от физической силы, чем от ума. Вторая же традиция подразумевает, что излишнее образование считается ненужным и, вероятнее всего, будет приводить к негативным последствиям. Наиболее печальной чертой антиинтеллектуализма является то, что он часто отражает реальное подавление интеллектуальной активности, а не отсутствие способностей.

Это может оказаться верным, хотя иногда для этого не хватает способностей. Автор отмечает: «Возможно, плохие генералы – это просто старые генералы, поскольку с возрастом ухудшаются мышление, память, интеллект и особые чувства». Он подчеркивает также, что «возраст может способствовать некомпетентности благодаря добровольной отставке умных молодых офицеров» (стр. 159, 162–163). У этих тенденций есть реальное основание, но проблема в том, что солдатский антиинтеллектуализм может быть в некоторой степени неизбежным.

Воинственный инстинкт может отсутствовать, тогда как стремление к самосохранению является врожденным и универсальным. Все народы и племена развивали обычаи и верования, которые воспитывали у людей готовность к борьбе и самопожертвованию, используя чувства тщеславия, алчности, похоти, альтруизма и любви к родным. Понятия чести, культура мужественности с сопутствующим им низким статусом женщин, поклонение героям и идеалы товарищества можно рассматривать как ключевые элементы этой формирующей машины. Некоторые из данных моделей поведения возникли путем сознательного замысла, в то время как другие появились случайно, подобно генетическим мутациям, и обладают тенденцией сохранения и распространения благодаря ценности для выживания. То есть, у племен и наций, реализующих эти принципы, было больше шансов выжить в условиях борьбы за существование, по сравнению с теми, кто их не соблюдал.

Девиз самураев «не думай, размышление делают трусом» является обоснованным, поскольку трудно опровергнуть утверждение: «лучше быть живым трусом, чем мертвым героем». Наш автор критикует «культ мускулистого христианства» и сопутствующий ему антиинтеллектуализм; но можно предположить, что он способствовал формированию достаточного числа смелых офицеров. Тем не менее, эти противоречивые принципы могли ослабить воображение и интеллектуальную отвагу, необходимые для разработки и адаптации новых оружий и тактик. Видимо, эффективность армии зависит от оптимального баланса между этими противоречащими друг другу подходами.

Независимо от меры тщательности в культивировании воинских доблестей, большие армии часто использовали наказания как последнее средство заставить людей сражаться. Мы уже знакомы с методами «гуманного» и «неавторитарного» героя нашего автора – вождя Чаки. Слово «дисциплина» восходит к латинскому термину, означающему кнут. Привилегии офицеров, особенно генералов, иногда доходят до абсурдных пределов, но в конечном счете они способствуют боеспособности армии. Дело в том, что легче приказать другим терпеть опасности и лишения, чем самому им подвергаться. Можно предположить, что, если бы Гейг столкнулся с необходимостью проводить дождливые зимние ночи в окопах, он, вероятно, предпочел бы мир, достигнутый в результате переговоров, или быстрое поражение в затянувшейся победной войне. Если бы Петен оказался на передовой, а не отдавал приказы из его личной безопасной и комфортной штаб-квартиры, он мог бы вести себя аналогично дезертирам и мятежникам, которых он приказал расстрелять для того, чтобы стать «героем Вердена». Для эффективной мотивации людей на битву такой системе требуется значительная доля авторитаризма в обычном понимании этого слова.

Кроме того, ещё одна причина сводится к преимуществу четкой и быстрой координации, благодаря чему все успешные армии были авторитарными. Посредственный командир с малочисленным, но дисциплинированным контингентом зачастую побеждает гениального стратега, командующего гораздо большей армией, в которой приказы подвергаются обсуждениям или уклонениям.

Полярность дисциплины и творческих способностей проявляется на всех уровнях. Идеальный подчиненный не сомневается в полученных приказах, но проявляет смекалку при их исполнении. Существует и другая дилемма: каждый может допустить серьезную ошибку; иногда подчиненный может обратить внимание командира на ошибку, однако обсуждение приказов часто мешает быстрому принятию решений и порождает хаос. Это явление наблюдается не только в армии, но и в гражданских организациях. Найти здесь оптимальный баланс довольно сложно, поскольку для этого требуется значительная степень сложности организации и искренней приверженности общим целям. Чаще всего приходится сталкиваться с контрпродуктивным слепым подчинением или с недисциплинированностью и хаосом.

Муштра и униформа были сознательно созданы как средства внедрения дисциплины. Сложилась повсеместная тенденция смещать фокус оценки с целей на средства, которая также иллюстрируется «бюрократизацией» гражданской администрации. Действия, которые изначально предназначались для достижения определенной цели, начинают восприниматься как ценность сама по себе, а внимание к первичной цели падает. Это формирует определенный образ мышления, который иногда называют «плевать и полировать» или, по словам Диксона, «чушь собачьей». Такие сдвиги в оценке общей цели организации (в данном случае способности вести войну) в сторону повседневных процедур, изначально оправданных в качестве средств достижения цели, можно объяснить влиянием корыстных интересов, кристаллизацией привычек и инерцией, а также блокировкой потребности использовать сложные объяснения в терминах контроля или научных концепций. Недостаток формализма ведет к недисциплинированности и беспорядку, тогда как его избыток подавляет инициативу и замедляет адаптацию к новым условиям. Успех организации во многом определяется ее способностью находить оптимальный баланс между этими крайностями.

Необходимое количество инициативы на разных иерархических уровнях зависит от характера выполняемой работы, но обычно оно возрастает по мере движения вверх по ступеням иерархии. Этот факт вносит изрядную долю субъективности в процесс отбора для карьерного роста, что иногда компенсируется практикой назначения аутсайдеров на высокие должности. Хорошие результаты на уровнях, требующих физической выносливости, послушания и мужества, но незначительного интеллекта, не обеспечивают достаточной квалифи-

кации для должности, где необходимы аналитические способности, креативность и независимость мышления. Последнее качество особенно трудно развивать, если ваша юность проходит в строгости и подчинении. Эти два фактора – надежные критерии отбора и различие между необходимыми качествами на низших и высших уровнях – во многом объясняют редкость одаренных командиров.

Диксон выражает почти ту же мысль, когда говорит о «реальном подавлении интеллектуальной активности». Следующей причиной, способствующей возрастной некомпетентности, стала дурная тенденция увольнять, принудительно отправлять в запас или иным образом препятствовать карьерному росту молодых офицеров, которые не сумели сохранить свои таланты и вынуждены следовать общепринятым стандартам. Еще одним аспектом, через который возраст влияет на некомпетентность, является добровольный уход в отставку способных молодых офицеров.

Автор не затрагивает определенные тенденции, которые не проявлялись в британских вооруженных силах в последнее время, но в других странах или в другие исторические периоды играли ключевую роль при изменении критериев отбора, отличных от тех, что действительно нужны для успешного выполнения задачи. Под влиянием глупого стремления к равенству древние афиняне прибегали к выбору своих лидеров с помощью лотереи, что в итоге вело к поражениям. Коррупция, nepotизм, назначения по наследству, продажа должностей, интриги и другие формы политической манипуляции приводили обычно к тому, что некомпетентные люди занимали командные посты. Также стоит отметить распространенную в хорошо организованных армиях тенденцию, которую Норткот Паркинсон называет энжелититом (*enjelititis*), заключающуюся в том, что от зависти и страха попасть в тень более достойные кандидаты исключаются в пользу худших. Из собственных данных Диксона следует, что это явление является гораздо более значимой причиной некомпетентности на высших уровнях власти, чем недостаток половой потенции.

Он утверждает как самоочевидность, что Крымская война стала самой низкой точкой в истории британской армии. Низкий уровень офицеров, большинство из которых купили свои звания и не имели никакого военного образования, резко контрастировал с хорошим качеством солдат. Оказалось, что среди офицеров существовала обратная зависимость между званием и эффективностью. На вершине этой иерархии находился Лорд Реглан. Скорее всего единственным критерием при назначении его на пост начальника британских экспедиционных сил были его шестьдесят семь лет и происхождение – он был младшим сыном герцога Бофорта... Никто не мог упрекнуть его в том, что его мнение было деформировано предыдущим опытом командования, поскольку у него не было даже опыта командования ротой. Кроме кузена королевы тридцатипятилетнего герцога Кембриджского, все старшие командиры были в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет... недостатки собственного опыта они пытались компенсировать своим возрастом.

В случае англо-бурской войны о главнокомандующем говорится так: «Подобно Реглану, у Буллера не было опыта командования крупными войсковыми соединениями. Он начал службу в армии, не имея серьезных недостатков: его мать происходила из семьи Говардов и была племянницей герцога Норфолка, а его богатство стало настоящей удачей, учитывая его предрасположенность к роскошной пище и шампанскому».

Хейг, которого Диксон описывал как «простого члена семьи», Дафф Купер называл «совершенно глупым», а Бриан – «дубиной», столкнулся с серьезными трудностями при сдаче вступительного экзамена в Сандхерст. Он смог преодолеть их лишь с помощью репетитора, который хорошо знал методику академии и фактически обеспечивал успех даже для самых нерасторопных кандидатов. Возможно, о Хейге и не вспомнили бы, если бы не его стар-

шая сестра Генриетта. Она была знакома с герцогом Кембриджским, что позволило ей помочь Хейгу поступить в Штабной колледж.

Он не сумел сдать экзамен в штабной колледж и в тридцать восемь лет был лишь капитаном. Его провалили на предвоенных учениях 1912 года, где он был настолько переигран, что учения пришлось завершить на день раньше запланированного. Росту его карьеры во многом способствовала женитьба на одной из фрейлин королевы Александры, постоянное заискивание перед королем, а также подрыв позиций его конкурентов и устранение старших командиров.

Можно подумать, что этих фактов достаточно для объяснения недалекости Хейга и его непригодности для высшей должности. Однако важно отметить, что положение на Сомме стало катастрофичным, и его отношение к женщинам было неоднозначным, что также отражало его неуверенность в сексуальных вопросах. Описание его предложения и медового месяца подтверждает гипотезу о том, что Хейг не был Дон Жуаном. Должны ли мы верить, что недалекий человек мог бы стать великим полководцем, если бы он был более успешен в общении с женским полом? Или что можно повысить умственные способности с помощью частых интимных отношений? Или что качество военного командования можно оценить по сексуальной потенции? Возможно, следуя испанскому выражению, нам остается лишь измерить «мужскую силу» кандидата.

Зачем обсуждать анальный эротизм и подобные темы для объяснения неумелого командования 67-летнего человека, который никогда не руководил войсками? Я сомневаюсь, что полная свобода от анальных предвзятостей и пуританских страстей существенно помогла бы ему. В любом случае, в книге нет доказательств того, что Реглан действительно был от них свободен. Что касается Хейга, то более важен такой вопрос: почему Ллойд Джордж продолжал его держать на посту, зная его недостатки? Можно задаться вопросом, как Хейг оказался на такой должности, но, чтобы объяснить, почему он стремился к ней и согласился на нее, достаточно предположить, что он был достаточно (но не исключительно) тщеславным и амбициозным. В конечном счете, он не был совсем уж плох в роли генерала по сравнению с Петеном, Фошем, Людендорфом или Гинденбургом, каждый из которых не имел понятия о том, как преодолеть тупик, созданный пулеметами, или трезво понимать, что в данных условиях победа не стоила жертв.

Случайный, ошибочный и негативный отбор существует не только в военных структурах. Норткот Паркинсон, анализируя гражданское государственное и деловое администрирование, подчеркнул наличие синдрома *энджелитита*. В сфере образования и исследований проявляется тенденция, которую я назвал «законом подъема более легких тяжестей» (в данном случае термин «закон» используется в более свободном смысле, чтобы придать акцент, а не ради претензии на точность или постоянство). Но у вооруженных сил есть уникальная особенность, усложняющая процесс отбора: их основная задача – ведение войн, но войны проходят с перерывами, и в периоды мира, как правило, время растягивается на поколения. В результате качества, необходимые для выполнения реальных задач, не могут быть полностью проверены, и армия может оказаться в состоянии войны с высокопрофессиональными кадрами, в состав которых входят бездарные люди. На противоположном конце спектра находится ситуация в конкурентном бизнесе, в котором производительность оценивается непрерывно посредством финансовых показателей. Однако и в этом случае, если устанавливается монопольное положение и исчезает угроза выживания организации, начинается процесс, который я предлагаю назвать инволюцией организации: она теряет ориентацию на достижение поставленной цели, поскольку ее коллективные и индивидуальные элементы начинают преследовать личные интересы, которые могут не совпадать с общими целями и даже препятствовать их достижению. Ключевым аспектом организационной инволюции является от-

клонение процесса отбора от критериев, которые свидетельствуют о пригодности для выполнения задач, необходимых для достижения общей цели. Степень этой инволюции зависит от близости или удаленности вызовов: чем дальше сотрудники могут избегать последствий нехватки навыков, координации или усилий, тем выше вероятность их отсутствия, в то время как стремление к частным или индивидуальным целям и расслабленность становятся доминирующими.

Как правило, в гражданской государственной администрации данная проблема остается в стороне, хотя между ее различными структурами существуют значительные различия. Водоснабжение и утилизация отходов не подвержены конкуренции, но все же их персонал (особенно руководители) в конечном счете будет заменен, если вода не потечет из кранов или мусор будет бесконечно накапливаться. В то же время дипломаты могут вести себя как паразиты, часто действуя безнаказанно, если только они не занимаются шпионажем или организацией инфильтрации. Одной из характерных черт военной жизни является волнообразное проявление проблемы: на протяжении длительного состояния мира она уходит на второй план, только чтобы внезапно вернуть о себе напоминание с разрушительной силой в начале войны. Неудивительно, что люди, назначенные на высокие посты без надлежащей подготовки, редко становятся эффективными лидерами в условиях конфликта.

Пока не существует надежного подхода к преодолению проблем, возникающих из описанных полярностей. Также не стоит ожидать серьезной помощи от «экспериментальной науки», которая пытается провести психоаналитический анализ маршала Жукова, основываясь на сомнительном и, скорее всего, вымышленном отчете о его разговоре со Сталиным, созданном на основе биографий, основанных на слухах.

Опасность подобных незрелых теорий заключается в том, что они могут принудить солдат стыдиться за собственный образ жизни. Все можно довести до абсурда и саморазрушения; но для того, чтобы быть хоть немного эффективной, армии необходима значительная доля авторитаризма, подразумевающего готовность подчиняться и отдавать приказы. Солдатская жизнь не может нравиться тем, кто не приемлет авторитарный стиль жизни – а это, по сути, и есть дисциплина. Если вам не нравится исполнять команды, возможно, стоит рассмотреть карьеру независимого фермера или изобретателя. Если вас привлекает возможность вести споры, вам подойдет работа внештатного писателя или ученого. Под воздействием чрезмерно демократического и самоуничижительно ультралиберального духа гражданского общества вооруженные силы западных демократий могут легко превратиться в бесполезную паразитическую массу или неуправляемую банду грабителей, как это наблюдается в некоторых развивающихся странах, хотя там причины могут быть иными.

На академической конференции авторитарные подходы и укоренившиеся привычки препятствуют достижению поставленных целей: обсуждения должны быть открыты для вопросов и критики, а споры разрешаться исключительно на основе логики и фактических данных. Любое подавление дискуссий – будь то посредством авторитарных методов или демократического голосования – тормозит развитие. В то же время необходимо, чтобы подходящие люди находились на соответствующих позициях: если все мясники станут сторонниками джайнизма, мяса не будет; если всех работников по уборке превратить в утонченных эстетов, мусор будет накапливаться; если студентам-медикам привить отвращение к крови, некому будет сделать операцию по удалению аппендицита. Аналогично, если вы хотите иметь армию, придется признать ценность авторитарного подхода в его рациональной форме, хотя надо стараться избегать его чрезмерного проявления. Убеждение, что можно достичь эффективности в военном деле без авторитаризма, напоминает идеологию современного мягкотелого и неуверенного либерализма (в отличие от более взвешенного и самосознающего подхода), который базируется на молчаливой предпосылке: все могут получить все бес-

платно; что можно обладать богатством без усилий, централизованным планированием без трудовой дисциплины, знаниями без упорства, искусством без таланта или надежной армией без дисциплины.

Эти критические заметки могут вызвать возражение Диксона, который может сказать, что они основаны на неверном понимании его взглядов и искажении термина «авторитаризм». Однако мое замечание состоит в том, что он смешивает авторитаризм в обычном значении с набором абсурдных и парализующих привычек, которые не должны его сопровождать. Его выводы основываются на слабых корреляциях, выявленных в ответах некоторых американцев на примитивные анкеты примерно в 1942 году; затем он предлагает нам эту совокупность как научно обоснованную концепцию, которую можно применять в военных формах.

На странице 347 он утверждает: трудно найти великого генерала или адмирала, который был бы конформистом, покорным власти, жестоким, сдержанным в сексуальном плане, чрезмерно контролируемым, этноцентристским, антиинтеллектуальным, обезличенным в своих мужественных качествах, суеверным, жадным к статусу, жестким, консервативным и, как заметил Фишер о Джеллико, «пропитанным дисциплиной» – короче говоря, авторитарным.

Хотя это может показаться неожиданным, автор не упоминает такие качества, как трусость, нерешительность, лень, беспечность и глупость, которые вполне можно считать корнями некомпетентности. Он мог хотя бы рассмотреть вопрос о том, достаточно ли обладать одной из характеристик из указанного списка, чтобы быть обвиненным в некомпетентности, или же генерал может считаться хорошим, если ему не присущи все эти слабости. В его теории этот вопрос, безусловно, не возникает, поскольку согласно ее предпосылкам, обладание одной слабостью подразумевает наличие остальных. Однако каждая из выдвинутых им обвинений может быть опровергнута фактами, представленными в его книге.

Множество примеров выдающихся личностей, приведенных автором, были обычными солдатами, которые должны были «соответствовать» определенным стандартам, чтобы оставаться на службе, не говоря уже о получении последующих назначений на более высокие должности. Кроме того, они должны были быть «покорными власти», что означало готовность выполнять приказы быстро, без вопросов и с полной удовлетворенностью начальства. Если «покорность» интерпретировать как лесть и самоуничижительное подчинение, то это утверждение отражает разумный принцип психологии: подхалимы редко становятся хорошими лидерами или даже полезными помощниками. Большинство великих завоевателей, таких как Чингисхан, Цезарь, Сципион Африканский, Петр Великий, Хидэеси, Кортес, Писарро и «неавторитарный» герой нашего автора, Чака, были известны своей жестокостью. Ярлык «этноцентричный», который в данном контексте означает националистический или патриотический, относится к его «хорошим» персонажам, таким как Монтгомери или Даян, так же, как и к «плохим», если не больше. Наполеон, пожалуй, был одним из самых «жадных к статусу» личностей. А сколько медалей вы можете увидеть на фотографиях Георгия Жукова? Если говорить о «сексуальной сдержанности», то как насчет магистров тамплиеров и других рыцарских орденов, которые были сильнейшими военными формированиями своего времени? Один из самых успешных полководцев в истории Византийской империи, Велизарий, был евнухом. На странице 332 Диксон утверждает одно, а на странице 347 противоречит самому себе относительно «сомнений в своей мужественности», заявляя: Наполеон проявлял либо чрезмерную сексуальность, либо был озабочен желанием доказать свою состоятельность из-за каких-то реальных или воображаемых проблем с фертильностью. Вероятнее всего, последнее. Его внешность, в том числе и гениталии, не отличались особой привлекательностью, и, как отметил А. Дж. П. Тейлор, «многие женщины с пренебрежением говорили

о его сексуальных способностях». Сам Наполеон также сомневался в себе. Когда ему удалось стать отцом от Валуевской, он был этим сильно удивлен.

Пусть генералы, не слишком выдающиеся в постели, утешают себя мыслью, что они не хуже Наполеона. Что касается одержимости анальными функциями, то в книге нет никаких указаний на то, что кто-либо из героев или неудачников страдал от этого; что, впрочем, неудивительно, так как подобную информацию невозможно получить без сеанса у психоаналитика и, возможно, под воздействием наркотика истины. Единственное, что мы можем назвать основанной информацией по этому вопросу, – это то, что в школе, которую никто из упомянутых персонажей не посещал, но которая, по мнению автора, типична для их образования, жена директора сильно волновалась о возможных запорах у мальчиков.

Хотя в книге нетрудно обнаружить безумный полет фантазии, она остается увлекательной, несмотря на некоторые ошибки интерпретации, поскольку предлагает множество малоизвестных и интересных деталей. Прежде всего, она поднимает важные вопросы и могла бы стать отличным материалом для академических семинаров в качестве основы для упражнений в критическом анализе. Нельзя сказать, что она хуже большинства сочинений в сфере социальных наук; наоборот, она конкурирует с ними по причине смелости и живого содержания. В то время как многие коллеги скрывают шаткость своих знаний под завесой сюрреалистически разухабистого и витиеватого языка, Диксон заслуживает похвалы за ясность изложения своих идей. В этом отношении его теории соответствуют критерию фальсифицируемости, предложенному Поппером как признак научного содержания: многие из них действительно можно опровергнуть. В любом случае, автор заслуживает признания за оригинальность. То, что говорит, к примеру, Яновиц, в общем верно, но редко удивляет; в то время как идеи Диксона часто новы, хотя и не всегда точны. Его работы представляют собой питательную пищу для размышлений, если подходить к ним с долей скептицизма.

И все же трудно представить себе такую пользу, которую может получить британская армия, если ее офицеры будут сосредоточены на своих личных сексуальных возможностях и тех же возможностях своих коллег. Особенно сомнительно, если они начнут переживать собственную озабоченность по совету бригадного генерала Шелфорда Бидвелла, который утверждает, что «эта книга должна быть обязательной для чтения в местах подбора, обучения и подготовки будущих офицеров высшего командования». Известный лозунг «занимайтесь любовью, а не войной» имеет свои плюсы, особенно если занятия любовью сопровождаются контрацепцией и не ведут к перенаселению, которое является одной из основных причин конфликтов. Появившийся на стенах Сорбонны во время протестов 1968 года лозунг «чем больше я занимаюсь любовью, тем больше хочу совершить революцию» – выглядит менее убедительным. Еще более сомнительным является совет нашего психолога по поводу военной некомпетентности: «занимайтесь любовью больше, чтобы стать более способным вести войну».

*Перевод с английского языка А.Г. Акопян
Научная редакция перевода В.П. Макаренко*